

—Новый, 1975-й год мы, ещё сами не зная того, в последний раз встречали в Ладушкине его жителями (потом, кажется, раз приезжали к Кореньковым на встречу Нового года). У нас в гостях была моя мама, она приехала к нам из Ленинграда, где сидела с Андрюшкой, пока Люба ездила к Жорке в Протвино. В её блокноте, небольшого формата, но толстом, с прочной, массивной обложкой, в котором она записывала (с 1961 года) памятные события - дни рождения, отъезды и приезды, свадьбы и прочие знаменательные происшествия, есть и такая запись:

—"С Новым 1975 Годом! Встретила в Ладушкине у сына: Саша, Сашуля, Иринushка и я. Ветер, дождь, 0°, сидели до 7 утра, пришли их соседи, друзья по работе - 5 человек. На следующий день были в гостях у Саенко (Юрий и Марина) - 11 человек."

—Компания наша к тому времени расширилась. По-прежнему ближе всего мы были с Лебле, Бирюковыми, Шагимуратовыми, но появились и новые друзья - Кореньковы, Лаговский, наладились отношения с Саенко, Ивановым. Даже с Сивицким и Пахотиным, считавшими меня когда-то антиобщественной личностью (из-за истории с выборами), у меня установились нормальные, почти приятельские отношения, чему, кстати, способствовали и волейбольные баталии, и шахматный турнир на первенство КМИО и окрестностей, который я организовал, но так и не смог довести до конца. Только вот Тихомировы выбыли из наших рядов, в этот Новый год их уже не было в Ладушкине.

—После злополучной аварии Валя долго не работала, пока не зажила разбитая голова, потом родился Федька. Когда он подрос настолько, что его можно было отдать в ясли, Валя устроилась работать в рыбкоопе, в ладушкинском универмаге. Небрежная по натуре, Валя после аварии и вовсе стала какой-то безалаберной. И раньше она вечно не вылезала из долгов, но всё что-то покупала, ерунду всякую, а тут - универмаг, то - сё привозят, все что-то хватают... Короче, в долгах Тихомировы увязли накрепко, хотя не раз им помогали Валины родители. Не обошлось и без растрат, хоть и не очень крупных. Валю перевели из универмага в привокзальный промтоварный ларёк, но и там она проштрафилась, пришлось уйти из торговли. Работала и в ладушкинском ДК, и даже в облдрамтеатре - распространителем билетов, но нигде подолгу не задерживалась.

—Чтобы как-то поправить своё финансовое положение, Тихомировы обменяли свою квартиру в измирановском доме на неблагоустроенное жильё в старом немецком особняке - с доплатой, разумеется; после чего решили и вовсе уехать в Уфу, к Валиным родителям. Точнее, всё это решала Валя, а Стасик как-то безропотно подчинялся всем поворотам судьбы, считая себя виновником не только той аварии, но и всех её последствий. Гострем, таким образом, потерял ещё одну измирановскую квартиру. Мне Тихомировы оставили свой сарай, где я держал мотороллер.

—А вскоре засобирались из Ладушкина и Бирюковы. Гена-то в Ладушкине был всем доволен - и работой, и своим положением, как раз по его натуре, и природой. Майечка же, хоть и вложила очень много сил и энергии в санаторий, рвалась поближе к большому миру, к цивилизации. Она регулярно следила за всеми объявлениями в "Медицинской газете" и вот, кажется, нашла! Детский санаторий в Очакове, на берегу Чёрного моря, точнее, днепровского лимана. Рядом - Николаев, и не так далеко Одесса! - а это же не сравнить с Калининградом. Майечка уехала на разведку. Сашуля восхищалась её решительностью и завидовала ей.

—Но вернёмся к нашему конфликту с Гострем, вошедшему уже в заключительную стадию. Итак, последняя стычка у меня с ним была по поводу статей - он требовал первые экземпляры, а я не давал. В начале января Гострем умчался по каким-то делам в Москву, оставив за себя не Саенко, как обычно, а Иглакова, Анатолия Степановича, из когорты "чёрных полковников" - отставника, который, кстати, в своё время служил на Черноморском флоте под началом моего дяди - Дмитрия Багратовича Намгаладзе, брата отца, генерал-майора.

—Иглаков, как оказалось, хоронил и папину сестру - тётю Гогоцу, которая умерла от рака в 1954 году. Всё это я узнал позже, когда мы познакомились поближе, а в то время отношения между нами были холодные. Иглаков работал у нас недавно, выполнял, в основном, хозяйственные поручения, Гострему подчинялся беспрекословно и верил всему, что тот городил, а уж меня он живописал - будь здоров, как рассказывал потом сам Иглаков.

—- Надо же, думаю, - говорил он, - отец и дядька - уважаемые люди, а сын - чуть ли не антисоветчик, интриган, под профессора копает, хочет его место занять.

—Так вот, собрался вслед за Гостремом в командировку в ИЗМИРАН и я. Дел у меня там было много, но главным я считал поддержку Кости Латышева, который должен был представить свою диссертацию на семинаре ионосферного отдела, а потом на секции Учёного совета пройти так называемую предзащиту. Вообще-то моё присутствие при сём не было таким уж обязательным, требовался лишь мой отзыв как научного руководителя, но ведь это был мой первый диссертант (к тому же изрядно мандражировавший, несмотря на свой солидный вид), и я считал своим долгом быть рядом с ним в столь важные для него, да и для меня тоже, моменты, не говоря уже о простой товарищеской солидарности. Кроме того, я и сам собирался выступить на семинаре у Беньковой с нашими последними результатами, да ещё надо было запустить в печать препринты, заказать слайды, поработать в библиотеке с литературой и т.п.

—Я обратился к Иглакову с просьбой выписать мне командировочное удостоверение и, к величайшему своему удивлению, услышал от него:

—- Рунар Викторovich велел не пускать Вас в Москву.

—- Как так? Почему?

—- Не знаю. Отдал такое распоряжение.

—- Да у меня там столько дел неотложных! - и я начал перечислять свои дела Иглакову.

—- Этого уж я не знаю. Вот придет Гострем, Вы с ним и разбирайтесь.

—- А когда он придет?

—- Не знаю. Командировка у него на две недели выписана.

—Вот тебе раз. А Латышеву выступать на семинаре через несколько дней. Что делать? Ехать надо, так или иначе. Но как быть с оплатой дороги и командировочных? Плюнуть и ехать за свой счёт? А если Гострем ещё и прогул поставит? Может, попробовать надавить на Иглакова с помощью Саенко и Иванова?

—Я напечатал на машинке заявление с просьбой о командировании, в котором подробно изложил цель командировки, то есть перечислил все дела, которые мне нужно было сделать в ИЗМИРАНе, и завизировал заявление у Саенко (как ответственного исполнителя "Каштана") и у Иванова (как секретаря парторганизации), что, на мой взгляд, должно было произвести впечатление на Иглакова. Саенко написал внизу:

"Целесообразность командировки подтверждаю" и расписался, а Иванов написал рядом:

"Считаю необходимым присутствие А.А. Намгаладзе в ИЗМИРАНе с 16.1.75" и тоже

расписался. Сию бумагу я подал Иглакову. Он долго её изучал и вернул мне со вздохом:

—- Ничего не могу поделать. Гострем не разрешил.

—- Тогда поставьте свою резолюцию на заявлении.

—- Зачем это?

—- Вы же сейчас у нас начальник за Гострема. А я поеду с этим заявлением в ИЗМИРАН и буду жаловаться на вас обоих Лобачевскому.

—Иглаков опять вздохнул, взял заявление и начертил в левом верхнем углу: "В соответствии с распоряжением зав. КМИО Гострема Р.В. от 6 января сего года командировка в Москву не разрешена в период с 14 по 25 января с. г." Ксерокопия этого заявления с визами Саенко, Иванова и Иглакова до сих пор хранится у меня.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)